

САМЫЙ СРОЧНЫЙ ПАЦИЕНТ

Алексей Козловский

12+

Алексей Дмитриевич Козловский

Самый срочный пациент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67162395

SelfPub; 2022

Аннотация

Герой рассказа, он же Липон Антоньев, попадает в одно из приёмных отделений Москвы на карете скорой помощи. Случилось нечто ужасное. И он взволнован, тревожен и задумчив, а также малость самовлюблён.

Алексей Козловский

Самый срочный пациент

В сумерках второго дня новогодних праздников машина московской скорой летела по встречной полосе одной из магистралей, освещённой гирляндой оранжевых фонарей. Она возвращалась с вызова, при мигалках, в карете двое – фельдшер и я, Липон Антоньев, самый срочный пациент собственной персоной. Что со мной приключилось? Тогда я ещё не имел ни малейшего понятия, но, естественно, дело было очень серьёзное.

Карету сопровождала, только уже соблюдая все правила движения, моя мать, что была вызвана после скорой, опять же, по очень важному вопросу моего самочувствия. Боюсь представить, что творилось у неё в голове. Боюсь представить, что творилось в голове моей девушки, Катерины, которая осталась на квартире дожидаться моего возвращения. В момент нашего расставания, еле сдерживая слезы, она сказала:

– Даю тебе три часа вернуться.

Я, состроив вид умирающего больного, ответил:

– Посмотрим.

С чего вообще всё началось?

С ленивого пятничного утра. Я кое-как проснулся, с трудом перевалился на бок к краю кровати, шлёпнул рукой

по будильнику, сполз с лежбища и направился на кухню, где выпил чашку кофе с оладьями. Я не то, чтобы наелся, но голод утолил. Затем утренний туалет, показательное выступление перед зеркалом с расчёской и феном и, наконец, грациозный с хрустом плюх за компьютерный стол.

– Уже работаешь, милый? – донесся сонный голос Катерины. Она показалась из спальни, потирая заспанные глазки, и собралась в магазин за молоком и хлебом. В тот день особенно хотелось тостов и тёплого молока.

Я угукнул и принялся за работу – писать код. Разработчик пишет код только малую часть своего времени, остальную он размышляет, задрав ноги выше головы, переписывает старый и ужасный код (который он писал вчера), прерывается на несколько бесед с клиентами, злится на них, а потом снова вовлекается в процесс шлёпанья по клавиатуре.

По возвращении моя девушка тоже принялась за работу, и нам стало гораздо веселее злиться на одних и тех же людей и писать код. В тот день всё шло также гладко и непринуждённо, ровно как и во вчерашний или пару лет назад – круговорот тел от компьютера к дивану, от дивана к компьютеру, и обратно; заскоки на кухню для перекуса теми вкуснейшими тостами с молоком... Чудесно.

Где-то в девятом часу вечера с работой было покончено, и, казалось, круг разомкнулся. Я выключил компьютер, с наслаждением зевнул, похрустел шеей и собрался было встать. В тот миг и случилось действие, вследствие которого

я оказался в карете скорой помощи. Резкая и такая внезапная боль стукнула мне в грудь, словно что-то соскользнуло по ребру, как смычок по скрипке, и впилося в самую главную мышцу организма, сердце.

Я замер и прислушался. Впервые в жизни я отчётливо слышал как бьётся сердце. Я схватился за грудь в той области и затаил дыхание. Оно билось очень быстро и как-то не так, не как в фильмах, как-то неритмично что ли... Я испугался и взглянул на свои умные-преумные фитнес-часы – они показывали пульс в районе ста десяти.

– Это же ненормально, – подумал я. – А какой нормальный пульс?

Я осторожно двинулся в сторону компьютера и начал поиск нужной мне информации. Тогда я обнаружил, что ладони мои облились холодным потом, так же как и ступни, правая нога задрожала сама по себе, меня схватил холод, хотя и температура вокруг была совершенно точно комнатной.

Да, интернет говорил, что пульс повышенный – «тахикардия». Дальше следовал интересный факт, что от такой частоты сердечных сокращений в покое чаще всего умирают от острой сердечной недостаточности.

Не может быть, что всё так плохо, нужно почитать симптомы.

– Головокружение?

Я покрутил головой.

– Есть.

– Жгучие боли в области сердца?

Я толком не знал что такое жгучая боль и возмутился такому определению, но, видимо, то они и были.

– Холодный пот, одышка?

– Ага.

– Тошнота и рвота?

– Чуть тошнит, но, – я напрягся, – блевать пока не хочется.

На этом перечень симптомов закончился. Я решил посмотреть, что такое жгучая боль в области сердца.

– Жгучие боли в области сердца, холодный пот и одышка – ещё одни признаки инфаркта миокарда.

Мне не понравился такой ответ интернета. Я вспомнил, что у меня есть какая-то бумажка по сердцу от военкомата, и большим пальцем правой ноги потянулся к нижнему ящику стола. Среди всякого барахла я вскоре нашёл там рулон из длинной неширокой бумаги, словно из туалетной, на ней были изображены горы и впадины различной высоты. Это мне было неинтересно, и я обратил свой взор сразу на заключение врача.

– Эпизоды синусовой аритмии, – вычитал я. – Наверное, это говорит о том, почему моё сердце бьётся не ритмично, – догадался я. – А это что за хрень? Признак ранней реполяризации... Чего? Реполяризации желудочков.

Мне стало жутко, и я принялся искать дальше, что за фрукт – ранняя реполяризация желудочков. По первой ссылке была длинная научная статья с какими-то графика-

ми, умными словами по типу сегмента ST, электрической оси сердца – в общем, я ничего не понял. Открыв вторую ссылку я наткнулся на ещё одну внезапную смерть.

Картинка сложилась, уж слишком много внезапных смертей. Дышать становилось всё труднее, голова мутнела, грудь словно сжимали в тиски. Я хаотично бегал по интернету и сплетал свои ощущения со всякими болезнями. Ишемическая болезнь сердца, расслоение аорты, сердечная недостаточность – у всех этих заболеваний были мои симптомы.

Я вскочил с кресла; в глазах моих потемнело и повело мою тушу куда-то в сторону. Я сразу сообразил, что пришло моё время, проковыляв дальше схватился за дверной проём, зашвырнул себя в спальню и лёг на кровать умирать.

Моя девушка в то время крутилась на кухне.

– Солнце, пойди сюда срочно, – окликнул я её.

– Сейчас. Что случилось?

– Срочно, говорю.

На кровати меня понесло в разные стороны, ноги и руки дёргались сами собой; сердце билось хаотично и выполняло в груди акробатические трюки; тело словно прижало надгробной плитой; ладони потели; в голове – туман.

– Тебе плохо? – спросила Катерина, вбежав в спальню.

– Да, да! – крикнул я и пробормотал вышеописанные симптомы.

Она мигом переменялась в лице: бледность расплзлась по щекам, а глаза загорелись красным огоньком.

– Позвони в скорую и маме потом, – добавил я.

– Сейчас, – дрожащими руками она потянулась за телефоном и набрала номер экстренной службы.

Дальше я слышал разговор:

– Скорая Москвы, говорите.

– А-а, здравствуйте, человеку плохо, – затем она обратилась ко мне. – Что болит?

– Сердце, – протянул я.

– Сердце болит, что делать?

Оператор начал спрашивать всякую ерунду: имя, фамилию, отчество, количество полных лет. Также несколько раз мы вместе описывали симптомы, словно как в «сломанном телефоне». Человеку нужна моментальная помощь, но вместо того, чтобы отправить машину по адресу сразу, мы с радостью ведём беседы про бюрократию, хорошо что хоть не про погоду на Эквадоре. В городских поликлиниках на это постоянно жалуются пациенты. А врачи, в свою очередь, сетуют на систему, что вынуждает их поставить свой долг на второй план, чтобы успеть подготовить всю отчётность за смену.

Прошло около пяти минут до того, как я услышал заветную фразу:

– Ожидайте прибытие машины.

– А что сейчас делать то? – перебила девушка.

– Вы ему кто? В сознании он? Дышит?

– Я его девушка. Да, да.

– Ну накапайте ему пятьдесят корвалола. Есть у вас такой?

– Нет.

– Ой, надо бы купить.

– Хорошо, а сейчас то что? – в панике бормотала она.

– Ждите машину, она приедет через несколько минут.

Ну что делать, если у вас корвалола нет.

Девушка всхлипнула и бросила трубку.

Затем она открыла окно в комнату, сорвала с моей груди футболку и взяла меня за руку.

– Скорая уже едет, всё будет хорошо, – говорила она, но я не внимал к её словам. Я мыслями погрузился в вопрос, что будет после меня. Как я умру? Как я почувствую, что тело моё охладело и каков будет мой последний вдох? Я слышал как бьется моё сердце, с паузами и провалами, и всё думал – в какой момент оно смолкнет навечно?

– Я так и не дописал книгу, – протянул я.

– Ты допишешь, допишешь все свои книги, – говорила девушка, между делом набирая телефон мамы. Та взяла трубку сразу же. – Алло, Елена Юрьевна. Да, здравствуйте, приезжайте скорее. Липе плохо.

Да, это моё имя – Липон или Липа.

– Я уже здесь, паркую машину, – раздалось из трубки.

Удивительное это дело – материнский инстинкт.

– Мама скоро будет, – обратилась ко мне Катерина, но и это уведомление я пропустил мимо ушей. Я лежал и думал о том, что даже если и не умру, то стану овощем, перееду

жить в санаторий или хоспис, где буду выгуливаться на каталке каждый день по часу или два. Мысли мои печальные переплетались между собой, словно ниточки, затем исчезали, а после – рождались новые. Скорая приехала уже минут через десять, экипаж состоял только из фельдшера, молодого короткостриженого парня спортивного телосложения, даже симпатичного на лицо. Он снял кардиограмму, померил температуру, взял кровь на сахар и принялся расспрашивать где и что болит.

Я поспешил рассказать все симптомы со своими догадками. Фельдшер оказался со специфическим чувством юмора: во время рассказа моего он часто усмехался, спрашивал несвязанные с ситуацией вопросы по типу: какой вес и рост, кем работаете, часто ли гуляете, делали ли зарядку? Детский сад какой-то.

Он дал мне выпить того самого корвалола, а после, наконец, спросил, собирая свою сумку:

– В больницу хотите?

Я подумал, что да. У меня была тревога и навязчивое желание, чтобы не какой-нибудь фельдшер скорой, а именно знающий врач сказал мне, что со мной всё в порядке. Ну или нашел какую-нибудь болезнь и дал таблетку.

– А что там будет? – спросила девушка.

Фельдшер пожал плечами:

– Моя задача довести его живым.

В этот момент в дверь квартиры позвонила мама.

– Что с ним? – спросила она с порога.

– Живой, – ответил фельдшер. – Вот, в больницу хочет.

– Зачем в больницу? Он же скорее всего подцепит там коронавирус.

– Да, так и будет, – фельдшер закивал головой.

Мама посмотрела на меня уставшими глазами и всё мигом поняла. Она вошла в комнату, сняла с вешалки мой рюкзак, сложила в него пару носков, нижнее бельё, полотенце и прочие вещи первой необходимости.

– Собирайся тогда, едем, – сказала она, а затем уточнила у фельдшера. – Какая дежурная сейчас?

– Пятнадцатая, на Парковой улице.

– Господи, чёрт знает где. Ладно, я поеду за вами.

В общем, вот так я и оказался в карете скорой помощи.

– Ну что, Серёж, на Парковую. Срочный пациент, минута у тебя, – сказал фельдшер водителю через перегородку, а затем, усмехнувшись, посмотрел на меня. – Охота тебе в новогодние праздники по больницам бегать?

Я промолчал. У меня трещала голова и ощущалось по всему телу, словно кто-то каждый раз тушит о меня спичку. А машина тем временем тронулась с места, выехала со двора и полетела по улицам Москвы, раскидывая всех по сторонам сигналом сирены. Я старался сидеть с закрытыми глазами, потому что от всего в карете меня бросало в дрожь – дефибрилляторы, носилки и, господи, закрытые ящики. Наверное, там прячут те самые черные мешки для трупов.

Представляете? Я еле дотерпел до приемного отделения.

– Сейчас меня везде посмотрят, положат на диван; полежу сколько надо, и самое важное – если что-то случится, то все врачи под рукой, – успокаивал себя я. Фельдшер всю дорогу рубился в какую-то глупую игру на телефоне, изредка поглядывая на меня, измеряя давление или просто ощупывая лоб.

Через пару минут мы были на месте. Выйдя из кареты скорой помощи, я вновь почувствовал как в глазах моих потемнело, а в область висков что-то ударило. Я сморщил вид недовольный. «Сердечная недостаточность, значит сердце недостаточно быстро качает кровь по моему организму? От того и руки немеют, и голова кружится...», – думал я по пути до крыльца отделения. Как я вошёл внутрь, перед глазами предстал длинный коридор, сначала слабо освещённый, а затем и вовсе погружённый в безмолвную темноту. На полу его был выстелен линолеум еще, наверное, довоенных времен; стены были облицованы облезлой бежевой краской; потолок белили последний раз ещё, наверное, до моего рождения, где-то в углу с него капала вода в подставленный тазик.

Сонный охранник, Степан Петрович, кивнул мне в сторону бахил, и я обул их. Вдоль стен коридора по трое стояли кресла, образуя диваны, на которых развалились словно полумёртвые люди: пожилые, томно опустившие взгляд себе в ноги; девчонка, уткнувшаяся в телефон и её мама; прочие

непримечательные силуэты.

Фельдшер передал папку, которую заполнял обо мне на квартире, на медицинский пост, где его взяла тётенька, Зефира Амоевна, девушка армянской внешности, в голубом халате, как положено, с завязанными в пучок темными волосами и добрыми большими глазами. Как позже выяснилось, она являлась моим терапевтом.

– Присаживайтесь, ожидайте, – сказала она мне.

– Хорошо.

Я оглянулся и интуитивно поплелся вглубь коридора. По обеим сторонам свободных мест не оказалось, потому что наглые бабки лежали на сразу трех креслах, словно на диване. «И куда мне предлагают сесть?» – мысленно возмущался я. Дойдя до конца видимой части коридора, я облокотился о стену рядом с тазиком, который собирал воду с крыши.

«Кап, кап, кап», – капало мне на нервы. Атмосфера в приёмном покое была действительно угнетающей. В кабинеты всех вызывали по очереди. Тот, чья очередь пришла, тяжело поднимался и, откашлявшись, исчезал за дверьми кабинета. Потом спустя время приёма он возвращался и также, кряхтя, усаживался обратно.

– Антоньев! – позвали меня. Так скоро? Я отлип от стены и направился к Зефире Амоевне, которая стояла рядом с открытой в кабинет дверью. – Проходите, раздевайтесь выше пояса и ложитесь на кушетку.

Я послушно выполнил все указания и лёг. Вокруг пахло

спиртом, мылом и людьми в их натуре. Со мной в кабинете на соседней кушетке лежала та самая девчонка, которая пришла с мамой. Я думал, что она сопровождает свою мать, а оказалось – наоборот. Терапевт померила мне давление, посмотрела язык, пощупала живот.

– Здесь болит?

– Нет.

– А здесь?

Я отвечал отрицательно на все вопросы.

– Стало быть, нигде не болит?

Я задумался.

– Сердце бьется, – ответил я, а затем смолк.

Через мгновение лицо терапевта расплылось в широкой-широкой улыбке. Я, когда понял, что выдал, тоже улыбнулся. Кажется, такую дурь до меня еще никто не говорил. Мне стало не по себе.

– Мерь температуру пока, – она сунула мне в руки термометр и переключилась на девчонку.

Я решил подслушать их разговор, но это оказалось очень тяжело – девчонка говорила так тихо, словно не хотела, чтобы я её подслушивал. Порой Зефире Амоевне приходилось несколько раз переспрашивать одни и те же вопросы: сколько лет, какие хронические болезни, были ли прививки и проч.

Я не видел ничего такого в этих вопросах и не понимал, с чего это девчонка меня стесняется.

– От противозачаточных, – вдруг донеслось из её уст.

– Зачем же ты себя ими травмишь?

– Меня изнасиловали.

– Чё? – чуть вслух не выдал я, зрачки мои расширились, а челюсть отвисла.

В тот момент терапевт развернулась ко мне, вытащила термометр, показала мне, что уровень ртутного столба находится идеально на шестом делении после цифры тридцать шесть, и поторопилась выпроводить из кабинета.

– Ладно, одевайся, выходи, а то тебе опять плохо станет, – сказала она.

– Чёрт, – подумал я и направился к своему месту у стенки рядом с тазиком. – А ведь из допроса следовало, что девчонке всего пятнадцать лет. Это какой сволочью нужно быть, чтобы притронуться? Ведь если бы не насильники, что, к сожалению, в абсолютном большинстве мужчины вследствие своей физической силы, гендерные войны, покорившие нормального обывателя двадцать первого века, даже не начались бы.

Я грел местечко у стены минут двадцать в размышлениях и всё ждал пока среди бесконечной барабанной партии падающих с крыши капель, раздастся моя фамилия, и меня пригласят в другой кабинет. Вскоре от терапевта вышла та самая девчонка. Она подбежала к своей матери и бросилась в её крепкие объятия. Терапевт тем временем что-то говорил им обоим, активно жестикулируя руками. Что было дальше,

я не знаю – меня пригласили в кабинет.

– Антоньев! – крикнул другой доктор. За мгновение до этого он открыл дверь одного из кабинетов так резко, что ударил в плечо проходящего мимо охранника. – Петрович, господи, прости, я тебя чуть не убил.

– Да чего там, отмыли бы, – тот лишь усмехнулся и поплелся дальше вдоль стенки.

Направили меня в кабинет забора крови. Я уже делал такую процедуру, в детстве – из пальца, а вот совсем недавно в военкомате – из вены, как положено. Смешно, но до какого-то момента мне думалось, что кровь, которую из меня взяли, пропала навсегда. Оказывается, она регенерируется или что-то такое... В кабинете том меня посадили на стул, мою руку положили на мягкую подушку, обвязали жгутом чуть выше локтя, вогнали иглу. Пошла кровь. Я старался не смотреть на процесс, потому что меня невольно начинало тошнить и воротить. В целом, всё прошло как обычно, кроме того, что я подслушал весьма интересный для размышлений диалог:

– ...восьмисотый, – пробормотал доктор, который переписывал мою бумажку.

– Доплатят, наверное?... – спросила медсестра.

– Да, куда им.

Как я понял речь шла о том, что я уже восьмисотый за сегодня сижу на этом самом стуле. В тот момент мне подумалось, что врачи – сумасшедшие люди. Что ими движет? Если

лишь желание помогать человеку – от этой мысли меня стало распирать от уважения. Под конец приёма мне приложили ватку, завязали руку.

– Спасибо, до свидания, – сказал я и вышел из кабинета.

– Куда? – донеслось вслед. – Садись жди, тебя ещё вызовут.

Я кивнул и направился к своему насиженному участку стены. Не успел я облокотиться и погрузиться в раздумья под аккомпанемент тазика, как развернулся и пошел обратно, потому что меня позвала мой терапевт.

– Везде ищу, думала, что сбежал уже, – сказала Зефира Амоевна. – Идём за мной.

– У меня кровь брали, извините, – сказал я.

– Я поняла.

Мы проследовали в ту часть коридора, где не горело уже потолочных ламп.

– Куда теперь? – спросил я.

Зефира Амоевна промолчала. То ли я сказал слишком сипло, то ли она проигнорировала мой вопрос – в любом случае, переспрашивать я не стал, сейчас сам всё увижу вочию. По тёмному коридору мы дошли до громоздкого лифта с внешней решёткой на засове, которую нужно открывать вручную, и обычными автоматическими дверьми. После вызова раздался протяжный скрежет, а затем стук – он приехал на наш этаж.

Из кабины донеслось оповещение:

– Первый этаж. Двери открываются.

Сначала открылись внутренние автоматические двери – я услышал звук скрипящего железа, и сквозь решётку показался лифтёр. Представьте, я впервые в своей жизни увидел лифтёра. То был мужчина, лет пятидесяти, худого телосложения, седой и с морщинами, одетый в халат, брюки и сандалии; на шею его была повязана веревочка со старым кнопочным телефоном, свисавшим до живота. Не пошевелив ни одной мышцей лица и не отрывая взгляда от пола, лифтёр нажал на кнопку, что в моём понимании заставляла лифт стоять в ожидании, открыл засов на решётке внешних дверей и впустил нас, сделав шаг вглубь лифта.

Кабина оказалась просторной. Я стоял за спиной лифтёра возле старой маленькой тумбочки в углу, на которой лежали очки и газета с решённым кроссвордом, стоял стакан воды. Можно было подумать, что этот мужчина живёт здесь или по крайней мере катается вверх-вниз круглые сутки – так же можно совсем спянуть! Мне стало непривычно тяжело в груди и вовсе не от моей болезни. Я никогда ранее такого не чувствовал.

Когда мы с терапевтом уместились в лифте, лифтёр угрюмо закрыл решётку на засов, а затем нажал на кнопку подземного или цокольного этажа, и раздалось оповещение:

– Двери закрываются.

После которого лифт тронулся.

Весь путь до цокольного этажа лифтёр местился перед

дверьми лифта, все также свесив голову и лишь изредка почесывая макушку. Это было такое душераздирающее зрелище. В глубине я стал так благодарен людям, что выполняют такую работу – одни, в тени и, вероятнее всего, за скромное жалование. С другой стороны мне было не понятно, зачем в лифте нужен лифтёр, но я был далек от больничного уклада и, возможно, он непременно там полезен.

– Минус первый этаж. Двери открываются, – снова раздалось оповещение.

Лифтер всё также брэнно выпроводил нас из лифта, и я оказался в месте еще более контрастном, чем всё описанное мною ранее. Сначала то была комнатуха, у стены на диване, не сняв халат и не разувшись, храпела медсестра; мерцала настольная лампа, на тумбе стояла аккуратная ёлочка с советскими игрушками (давно я таких не видел). Мы не задержались в этой комнате, и направились в сторону нечто напоминавшего катакомбы.

Я следовал за терапевтом по длинному подземному проходу в стенах из старой, обвалившейся в местах белой плитки, по холодному бетонному полу, на котором были заметны следы каталок и обуви. Потолок был пронизан заржавевшими трубами отопления, от которых припекало голову, всякими датчиками и трубками, от чего мне было тревожно. Вскоре мы дошли до развилки, налево указывала написанная на стене красной краской надпись «Пищеблок», мы же пошли направо, где освещение было тусклее, а через длинный тун-

нель виднелся лишь один кабинет с железной дверью и горячей над ней желтой лампой «Излучение».

Меня посадили у двери в этот кабинет и приказали ждать, пока за мной выйдут. Случилось это уже через пару минут – сначала погасла лампа над дверью, затем из кабинета донеслись оханья и хрусты, шаги и стук колес, сначала отдалённые, едва различимые, а вскоре – громкие, словно гул поезда, проезжающего за дверью. Появилась медсестра. Она выкатила из кабинета на каталке бабушку, что скрючившись, поникла к груди и скосилась на бок седой головушкой. Я посмотрел на неё с горечью в глазах, с ноткой неизбежности и сожаления.

В какой-то момент бабушка словно учуяла моё внимание. Она закопошилась под своим сарафаном, а затем с трудом посмотрела на меня исподлобья и пролепетала смиренно:

– Застегнись, Серафимушка.

Я просканировал себя на наличие не застёгнутых пуговиц. Ничего не нашлось. Более того, на мне вообще не было ни одной одежды с пуговицами, даже нечто похожего.

– Поехали, бабушка, – сказала терапевт с огорчённым видом и взяла каталку из рук медсестры.

– Домой, внученька, едемте? – спросила она.

– Домой, домой... Куда ж еще?

Бабушка кротко посмотрела на меня. И так мимолетно, но так бесконечно долго тянулся тот миг осознания, что я никакой такой не Серафимушка вовсе. Колючая боль разлете-

лась по моему телу, словно вогнали его в кокон из проволоки и провернули внутри него. Бабушка виновато вздохнула и сложила головушку обратно себе на грудь.

Когда её увезли, медсестра решила заняться мной.

– Проходите, выше пояса раздевайтесь, – сказала она.

– А что это? – спросил я, разглядывая комнату.

– Рентген, – ответила мне медсестра. – Никогда не делали? Металла в теле нет?

– Нет.

– Цепочки, кольца, телефон? Всё из карманов вытаскивай.

Я, полностью обнаженный до талии, оказался под рентгеновским излучением. Далее последовали инструкции медсестры: глубоко вдохни, не дыши, дыши, согнись и разогнись. Несколько раз она выходила из своей кабинки, ставила лампу рентгена то напротив моей шеи, то напротив грудной клетки, то живота. Как процедура была окончена, я оделся и вышел в коридор, где меня уже ожидала Зефира Амоевна.

Она протянула мне какие-то бумажки и сказала:

– Всё с тобой нормально.

И мы отправились обратно той же дорогой, снова сели в лифт, где я получил шанс мысленно попрощаться с лифтьёром, прошлись по тёмному коридору, затем уже по освещённому, и оказались у медицинского поста.

– В стационар хочешь? – спросила терапевт.

– А что со мной?

– Клинически – ничего, ровно как и пару часов назад. А в целом, посмотри сам, высокий и худощавый, спишь по-ди плохо, кушать тоже больше надо; умнее надо быть, Анто-ньев, за здоровьем своим следить.

– А зачем тогда в этот... стационар?

– Ну, ты же сюда потащился. В стационаре у нас веселее: можно целый день лежать рядом с дедулями в палате, а если не повезёт – то в коридоре, потому что мест не хватает из-за пандемии; слушать их истории и байки; кушать каши на воде и паровые котлеты; каждый день сдавать кровь, писать в ба-ночку, получать уколы...

– Нет, спасибо, – процедил я. – Если всё нормально...

Мне протянули бланк отказа от госпитализации, и я его без раздумий подписал.

– Теперь ждём результатов рентгена. Они будут через пол-часа, но можешь уже идти домой, получишь их по почте, – уведомила меня терапевт. – Твоя мама звонила, сказала что ждёт тебя у входа.

Первой моей мыслью было сорваться за дверь, но я подумал и решил вернуться к своему месту у стенки, чтобы под капанье с потолка, ставшее для меня уже таким родным в этот вечер, переосмыслить всё произошедшее в приемном отделении. Я отблагодарил терапевта и поступил, как задумал. По пути я встретил девчонку, о которой имел честь рассказать вам ранее. Мне стало интересно, чем закончи-лась её история, и я стал рыскать глазами возможность уте-

шить свой интерес, и нашёл – рядом с ней и её мамой стоял некто посторонний, сгорбленный старикашка лет за семьдесят, полностью седой и в морщинках; без бейджика, но в халате.

– Да, разумеется, сможет, – радостно выкрикнул он в какой-то момент, а дальше говорил всё также эмоционально, но тише, и мне пришлось некоторую информацию восстанавливать по его мимике губ. Могу уверить тебя, дорогой читатель, что я совершенно верно распознал его слова. Некто сказал, что у девчонки будут все шансы в будущем, когда ей и только ей заблагорассудится, заиметь детей. Распознанное мною подтвердилось улыбкой и облегчением в глазах её мамы, и я состроил такую же гримасу, ведь все мои проблемы давно померкли на фоне её, и той бабушки, и всех прочих по-настоящему срочных пациентов этого приёмного отделения.

«Рановато мне сюда», – подумал я и продолжил путь до тазика. Став в своём излюбленном месте я продолжал смотреть в сторону девчонки и её мамы до того самого момента, как они покинули приёмное отделение. Некто, что вёл с ними беседу, направился в мою сторону, но я не ожидал, что он в самом деле идёт ко мне.

– Насмешил ты всех, – остановился он передо мной и сказал добрым голосом.

Я не сразу понял о чем речь.

– Простите? – удивился я.

– Новый год что ли плохо отметил?

– Да, – усмехнулся я, – бывало лучше.

Некто покачал головой:

– Ты ведь не собираешься каждый день сюда приезжать?

– Нет, конечно, нет, – ответил я.

– Пойми, организм – он как машина. Если та всю зиму простаивает в гараже али за ней ухода нет полноценного, то к весне она, конечно же, не заведётся. И рано или поздно зачахнет. А я вижу вот, что ты свою машину не бережешь.

– Результаты плохие пришли?

Некто усмехнулся.

– Я их даже не открывал. Всё тут, – сказал он и указал пальцем в мою сторону.

– На лбу написано, – сказал я с улыбкой.

Некто снова усмехнулся.

– И снова не угадал, обернись-ка.

Я обернулся и увидел кабинет главного врача. Как оказалось, звали незнакомца Виктором Геннадьевичем Добрым, и пока руки его дряхлели до видимых вен, глаза туманились, а слух пропадал, он выслушивал миллионы таких как я и ты.

– Доброе слово и зелёный чай, – сказал он мне и поспешил скрыться в своём кабинете.

– Спасибо вам, – сказал я перед тем, как дверь закрылась.

– На здоровье, сынок, – донеслось уже из кабинета.

Я вылетел из приёмного отделения, оставив за дверью негативную частичку себя и направился к машине матери,

вилая по дорожке от распирающего чувства признательности ко всем врачам, а также со светлой головой, полной планов на ближайшую жизнь, освобождённых от неприятностей, что могут приключиться с каждым человеком без его надлежащего за собой присмотра.

Завидев меня мать с облегчением вздохнула, и всю дорогу до района мы разговаривали, шутя, о том как я в свои девятнадцать лет заметил, что у меня бьётся сердце и также о моей дальнейшей правильной жизни. Она довезла меня до района, а до квартиры я добрался уже на своих двух, взлетел по лестнице, радуясь одышке и выпрыгивающему из груди сердцу. «Значит живой», – подумал я и, отдышавшись, зашёл в тамбур и принялся настойчиво звонить в дверной звонок. Как дверь распахнулась, я вошёл в прихожую, где получил подзатыльник за то, что не явился вовремя, а потом крепкие объятия за то, что явился.

– Какой же я счастливый, – сказал я уверенно.

На этом и закончим.